

ИСТОРИЯ НОВГОРОДА В ТРУДАХ И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГА

Игорь Эрихович Клейненберг по своему образованию и основной деятельности — филолог-германист. И это обстоятельство предопределило в значительной степени направление его исследований в сфере исторической науки. Будучи одним из немногих в нашей стране знатоков средненижнегерманского языка (*mittelniederdeutsch*), употреблявшегося в средние века в Северной (Нижней) Германии и в Ливонии, И. Э. сделал предметом своего изучения историю новгородско-ганзейских и новгородско-ливонских отношений. Эти аспекты важны для исследования не только новгородской, но и общерусской истории: до середины XVI в. почти вся торговля Руси с Западом шла через Новгород, а основным торговым партнером Новгорода на Западе являлся Ганзейский союз, Ливония же была непосредственным соседом Новгорода, поэтому военные, политические и экономические взаимоотношения с нею занимали весьма существенное место в системе международных контактов Новгорода, а поскольку Новгород являлся частью Руси, то и Руси в целом. Вместе с тем изучение названных аспектов новгородской истории, опирающееся на источники, в подавляющем большинстве написанные на мертвом в настоящее время языке, является очень трудоемким и требует от исследователя большого источниковедческого и филологического мастерства. Оба эти качества присущи в полной мере исследовательскому дарованию И. Э., благодаря чему его работы прочно вошли в состав советской новгородики.

В своих трудах И. Э. Клейненберг касался различных вопросов из истории сношений Новгорода с Ливонией и Ганзой. Среди его работ, посвященных экономической истории, — а интерес к ней проходит красной нитью через все творчество И. Э., — особенно важен сюжет, связанный с изучением цен, прибыли и методов ее формирования в средневековье (12—14).¹ В советской историографии не было единого мнения по поводу уровня прибылей ганзейского купечества от его торговли с Русью. М. П. Лесников еще в 40-е гг. высказал идею, что прибыли ганзейского купечества были крайне низкими — 5—6%. С этим не согласился М. Н. Тихомиров, предположивший, что в расчетах М. П. Лесникова были какие-то ошибки. И. Э. Клейненберг связал изучение вопроса о формировании и уровне прибылей с философскими и общественными взглядами средневековья, когда господствовала теория «справедливой цены», согласно которой купец не имел права за свою работу получать большее вознаграждение, нежели другие производящие сословия. В связи с этим, по

¹ Здесь и далее в скобках указывается порядковый номер работы в списке научных трудов И. Э. Клейненберга.

мнению И. Э. Клейнберга, особую роль играли скрытые формы получения прибылей. А к ним, по его наблюдениям, отнеслись такие, как «наддачи» (неоплачиваемые надбавки к товарам, которые новгородцы продавали ганзейцам) и разница мер. По мере удаления от места производства и первичной закупки товаров мера, особенно сыпучих тел, уменьшалась. В результате при внешней стабильности цены фактический ее уровень повышался на пути к потребителю того или иного товара, что и являлось одним из источников высокой прибыли ганзейцев.

Работы И. Э. Клейнберга, равно как работы Я. К. Земзариса, обнаружившего разницу мер как источник дополнительной феодальной эксплуатации крестьянства, и В. В. Дорошенко, убедительно доказавшего, что и в XVII в. сохранялось то же «движение мер», фактически открыли новую эпоху в изучении экономической сущности средневековой торговли.² О признании выводов И. Э. Клейнберга и за рубежом свидетельствует опубликование одной из его работ в «Hansische Studien» — органе Ганзейской рабочей группы в ГДР (36).

С вопросом о характере новгородско-ганзейской торговли, где господствовали в основном меновые отношения и запрещался кредит, тесно связан и другой — о денежном рынке Великого Новгорода и величине заемного процента. На основании переписки Немецкого двора в Новгороде с Тартуским магистратом и тартуского с таллинским И. Э. удалось установить, что во втором десятилетии XV в., в тех редких случаях, когда ганзейцам приходилось обращаться за займом к новгородцам, заемный процент достигал 10%. Хотя это и ниже принятого в то время на Руси (обычно исследователями он определяется в 20%), но значительно выше, чем в Любеке и прибалтийских городах, где деловой процент достигал 5% в Любеке и 8—10% — в Гданьске (26).

Новые наблюдения И. Э. Клейнберг внес и в такой устоявшийся, казалось бы, в литературе вопрос, как вопрос о составе ганзейского импорта в Новгород и Псков. Традиционные представления в этой области он дополнил данными о ввозе в Новгород и Псков в XV и первой половине XVI в. луковых семян (16). Думается, что эти данные заинтересуют специалистов по аграрной истории России.

Наряду с экономическим аспектом новгородско-ганзейской торговли в работах И. Э. изучается и ее политический аспект — внешнеторговая политика Новгорода, а затем его преемника

² *Земзарис Я. К.* Мера и сверхмера как средство эксплуатации феодальных крестьян в Латвии. — Изв. АН Латв. ССР, 1957, № 8, с. 25—35; *Дорошенко В. В.* 1) Цены и меры в Риге: прибыли рижских купцов от западнодвинской торговли в конце XVII века. — В кн.: *Spoleczeństwo, gospodarka, kultura.* Warszawa, 1974, р. 72—73; 2) Протоколы Рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. — В кн.: *Экономические связи Прибалтики с Россией.* Рига, 1968, с. 117—145; 3) Некоторые проблемы балтийской торговли XVII—XVIII вв. в свете рижских источников. Рига, 1978, с. 8.

в торговле с Западом — единого Русского государства. Рассматривая вопрос об унификации воцаренного веса в новгородско-ливонской торговле XV в., при проведении которой применявшиеся в Ливонии единицы веса воска были приравнены к новгородским, И. Э. этот факт справедливо расценивает как результат активной защиты Иванской сотней (объединением новгородских купцов-воцаренников) интересов своих членов (10). Весьма оригинальна, хотя и дискуссионна по своим выводам, статья «Серебро вместо соли», где запрет на ввоз соли в Новгород из-за рубежа, введенный правительством Ивана III в конце XV в., автор трактует как средство, при помощи которого русское правительство стремилось заставить ганзейское купечество увеличить ввоз в Россию серебра. Весь этот эпизод автор считает проявлением раннего меркантилизма во внешнеэкономической политике Русского государства на рубеже XV—XVI вв. (29).

Расширяет существующие представления о деятельности новгородского купечества за рубежом работа И. Э. Клейнберга «Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI веках». Здесь впервые рассматриваются складывание и развитие в Таллине объединения новгородских купцов, его правовые основы и практическая деятельность. Особенно интересны страницы, посвященные новгородским коробейникам, мелким торговцам, продававшим в Ливонии, в частности, изделия новгородских ремесленников и осуществлявших таким образом контакты между трудовыми слоями населения обоих государств (9).

Будучи знатоком текстов новгородско-немецких договоров, И. Э. Клейнберг дает тонкую интерпретацию их статей, освещающую правовые основы новгородско-немецкой торговли и связанных с ней феноменов. Так, в работе «Кораблекрушение в русском праве XV—XVI вв.», рассматривая статью новгородско-ганзейского договора 1487 г.³ о принципах раздела между новгородскими и ганзейскими купцами оставшегося после кораблекрушения товара, а также анализируя статью новгородско-ганзейского договора 1514 г. о вознаграждении прибрежных жителей, участвовавших в спасении товаров, И. Э. усматривает в нормах названных статей влияние обычного новгородского права (8). Этому же сюжету посвящена статья «К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XIII вв. берегового права» (7).

Серия работ И. Э. Клейнберга посвящена изучению военно-политических взаимоотношений Новгорода с Ливонским орденом. Для коллективного труда «Ледовое побоище 1242 г.», подводящего итоги комплексному изучению одного из важнейших в истории средневековой Руси сражений, завершившегося блистательной победой русского оружия, И. Э. выполнил перевод текстов немецких источников и участвовал в их комментировании (11).

³ После вхождения Новгорода в состав единого Русского государства договоры с Ганзейским союзом и Ливонией заключались по-прежнему от имени Новгорода.

В статье «Военно-морские действия новгородцев при отражении орденовской агрессии 1443—1448 гг.» И. Э. на основе тщательного анализа и сопоставления русских и немецких источников рисует картину морского сражения, происшедшего в устье Наровы в начале июля 1448 г. между немецкими бусами и шнеками (тяжелыми кораблями) и новгородскими лодьями, которое решило исход войны в пользу Новгорода (2). В другой статье, касающейся событий той же войны 1443—1448 гг., И. Э. на основе ливонских источников устанавливает — впервые в научной литературе — наличие у Новгорода в то время артиллерии и тем самым опровергает высказанную некоторыми исследователями точку зрения о военно-технической отсталости Новгорода в XV в. по сравнению с другими русскими землями (4). Материал обеих статей проливает новый свет на военные силы Новгорода XV в. К названным работам примыкает по своему содержанию еще одна статья И. Э., в которой рассматривается дипломатическая борьба Новгорода в XV в. за утверждение пограничной линии по р. Нарове (Орден пытался передвинуть ее дальше на восток) (5). Продолжая изучение этой темы уже в московский период, И. Э. в специальной работе показывает мероприятия великокняжеского правительства по укреплению наровской границы в конце XV в., устанавливает неизвестные ранее в литературе факты проведения строительных работ — строительства дороги в Ивангород, сооружения там наплавного разборного моста через Нарову (6).

Изучая новгородско-ганзейские и новгородско-ливонские отношения во всех их аспектах, И. Э. Клейнберг активно использует методы вспомогательных исторических дисциплин. И это дало блестящие результаты.

Так, думается, что в сфрагистику Новгорода прочно войдет мнение И. Э. о том, что «лютый зверь», изображенный на большинстве государственных печатей Новгорода (это изображение исследователи идентифицировали по-разному), является львом. Обнаруженная И. Э. целая серия билингв — из «Девгениева деяния», словаря Тонниса Фенне, русских посольских книг — свидетельствует о том, что под «лютым зверем» на Руси понимали льва и что, следовательно, на печатях Новгорода изображен именно этот, столь традиционный для средневековья символ могущества (17).

Одному из малоизученных аспектов дипломатики посвящен этюд И. Э. Клейнберга об оформлении письменного договора купли-продажи, появившегося не в русско-ганзейской торговле, так как члены Ганзейского союза настаивали на сохранении меновой торговли и протестовали против всех форм кредита, но в новгородско-наровской (Нарва не входила в Ганзейский союз). И. Э. удачно сопоставляет этот письменный договор с «записью или «рядницей», бытовавшей в псковской внутренней торговле и зафиксированной в Псковской судной грамоте (19). Настоящая работа И. Э. послужила толчком для поисков аналогичных торговых документов и в других районах, и они были найдены среди

грамот Полоцка. Любопытно, что акты купли-продажи во внешней торговле не именовались купчими, а имели собственные наименования.

Внимание И. Э. привлекло своеобразие оформления новгородско-немецкого договора 1262—1263 гг., к которому были прицеплены две серии булл, оттиснутые одними и теми же матрицами — в верхней части позолоченных серебряных, в нижней — свищовых, и его «двучленность»: на одном и том же листе пергамена записан не только сам договор 1262—1263 гг., но и предшествующий — 1189—1199 гг. На основе документов о новгородско-ганзейском конфликте 1292 г. И. Э. показал, что договор 1262—1263 гг. присовокупил кодекс юридических норм новгородской внешней торговли, установленный в XII в. и продолжавший действовать в XIII в., а посему две серии булл имели различное назначение: серебряная была предназначена ратифицировать договор, свищовая — подтверждала действительность «Правды» XII в. (28).

Топонимике Новгорода и соседних с ним земель Прибалтики посвящены две работы. В одной из них И. Э. Клейнберг убедительно идентифицирует немецкое название «Ниеншлот» («Новый замок») с новгородским пригородом Ямой, что позволяет привлечь комплекс документов ливонского и ганзейского происхождения для изучения этого города (3). В другой он предлагает новую гипотезу происхождения топонима Герцике (столица русского княжества на Двине), согласно которой древнерусское название этого города звучало как Ярск и было образовано от корня -яр (21).

К вопросам метрологии, по-видимому наиболее любимым в области вспомогательных исторических дисциплин, И. Э. подходит широким фронтом: его интересуют конкретика орудий взвешивания и измерения (15, 24, 34) и обусловленность в конечном счете их изменений социально-экономическим развитием. Так, в работе о новгородском воцаном берковце XV в. И. Э. проследил эволюцию новгородской весовой единицы для измерения воска и поставил ее в связь с изменением торговых контрагентов новгородцев. Если на раннем этапе торговли новгородцев с Западом, когда их контрагентом выступало по преимуществу готландское купечество, новгородский берковец весом 166 кг учитывал величину готландской марки в 208 г, то в период наиболее оживленных новгородско-ганзейских отношений XIV—пачала XV в. немецкой весовой единице, основанной на любекско-кельской по своему происхождению, новгородцы противопоставили воцаную четверть (термин И. Э.), исходившую из гривенки, близкой по величине к тем, которыми измерялось серебро. Но во второй четверти XV в., когда возросла роль ливонских городов в торговле с Новгородом, новгородцы вернулись к берковцу в 166 кг, единице, исходившей из веса гривенки, близкого к весу ливонской марки (15).

Скрупулезное исследование ливонских и ганзейских источников и сопоставление их с русскими побудило И. Э. Клейнберга

обратиться к сюжетам, выходящим за рамки собственно повгородско-ливонских и новгородско-гапзейских отношений. И в этой области им были сделаны интересные наблюдения: уточнена известная раньше только по русским источникам картина восстания в Новгороде в 1421 г. (22), введены в научный оборот новые данные о новгородском вече в первой четверти XV в. Последние, как показывает И. Э., рисуют вече как орган власти не со случайным составом (всенародный сход), а с более или менее постоянным, что подтверждает мнение В. Л. Янина о вече как о собрании лиц (300—400 человек), принадлежавших к господствующему классу, прежде всего к боярству и в какой-то степени, может быть, к житейным людям и верхушке купечества (31).

Значительный вклад И. Э. внес в издание немецкоязычных источников, касающихся истории Руси и особенно Новгорода. Мы уже упоминали выполненный И. Э. перевод текстов немецких источников о Ледовом побоище. Ему принадлежит также перевод большого комплекса немецкоязычных источников о русско-шведских экономических отношениях XVII в., входящего в состав фундаментальной трехтомной советско-шведской публикации (37—39), перевод молдавско-немецкой хроникки XV в. (27) и подготовленный для корпуса источников по истории Древнерусского государства перевод фрагментов немецкого эпоса и немецких хроник XI—XIII вв. И. Э. является редактором переводов немецких грамот по истории Полоцка и Полоцкой земли,⁴ а в настоящее время он занят редактированием переводов немецких грамот для нового издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова».

И. Э. Клейнберг не ставил перед собой задачи решения капитальных проблем и написания крупномасштабных исследований. Но его работам суждена долгая жизнь, так как они отмечены двумя чертами: новаторским характером (новые источники, новые факты, новая интерпретация их) и высокой точностью и тонкостью наблюдений.

Список научных работ И. Э. Клейнберга

1956

1. Известия у Исаака Масы о прибалтийских автохтонах среди служилых людей Русского централизованного государства начала XVII в. — Изв. АН ЭстССР, т. V. Серия общ. наук, № 1, с. 80—92.

1958

2. Военно-морские действия новгородцев при отражении ордепской агрессии 1443—1448 гг. — История СССР, № 4, с. 114—123.

3. О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках XV века. — Науч. докл. высшей школы. Истор. науки, № 1, с. 12—16.

⁴ Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977, вып. I; М., 1978, вып. II; М., 1980, вып. III; М., 1982, вып. IV.

1959

4. К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска. — Вестн. ЛГУ, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4, с. 131—135.

1960

5. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV веке. — Науч. докл. высшей школы. Истор. науки, № 2, с. 140—151.

6. Мероприятия Русского государства по укреплению паровской границы в конце XV века. — Военно-истор. журнал, № 6, с. 125—127.

7. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XIII вв. берегового права. — Правоведение, № 2, с. 158—161.

1961

8. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., с. 352—365.

9. Tallinna vene kaubahoovi ajaloost XV—XVI sajandil. (Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв.) (На эст. языке, резюме на русском и немецком языках). — Изв. АН ЭстССР, т. XI. Серия общ. наук, № 3, с. 241—257.

1966

10. Унификация воцаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (из истории внешнеторговой политики Иванского ста). — Археограф. ежегодник за 1965 г. М., с. 82—93.

11. Письменные источники о Ледовом побоище (в соавторстве с Ю. К. Бегуновым и И. П. Шаскольским). — В кн.: Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., с. 169—240.

12. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—XV вв. — Тез. докл. и сообщ. конф. по истории экономических связей Прибалтики с Россией. Рига, с. 9—13.

1967

13. Учение о «справедливой цене» и один из способов стабилизации цен в странах Балтики феодального периода. — В кн.: 19-я науч. конф. Ярославского технол. ин-та: Авторефераты и тезисы докладов. Ярославль, ч. 1, с. 30—32.

1968

14. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—начале XV в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, с. 32—46.

15. Новгородский воцаной берковец XV в. — Сов. археология, № 4, с. 110—125.

1969

16. Импорт семян лука из Нидерландов в Северо-Западную Русь XV—XVI вв. — В кн.: 20-я науч. конф. Ярославского технол. ин-та: Авторефераты и тезисы докладов. Ярославль, с. 123—125.

17. «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., II, с. 176—190.

1970

18. Объединение прасолов в Великом Новгороде XIV—XV вв. — В кн.: Герценовские чтения (межвузовская конференция). Истор. науки, Краткое содержание докладов. Л., вып. 1, с. 50—52.

19. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., III, с. 130—150.

1971

20. Место скандинавских стран во внешнеэкономической политике Русского централизованного государства конца XV—начала XVI в. — В кн.: Тез. докл. 5-й Всес. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., ч. 1, с. 62—65.

1972

21. О топониме Gerzike в источниках XIII в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., IV, с. 120—127.

22. Ливонские известия о новгородском восстании 1421 г. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посв. Льву Владимировичу Черепнину. М., с. 104—107.

1973

23. Русско-шведская торговля на рубеже XVI—XVII вв. (по таможенной книге г. Выборга). — В кн.: Тез. докл. VI Всес. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин, ч. 1, с. 78—79.

24. Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.). — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., V, с. 137—152.

1974

25. «Дедерик Бернский» в Новгородской 1-й летописи. — В кн.: Летописи и хроники за 1973 г. М., с. 129—136.

26. Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., VI, с. 241—251.

1976

27. Перевод молдавско-немецкой летописи 1457—1499 г. — В кн.: Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., с. 47—54.

28. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.). — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., VII, с. 118—126.

1977

29. Серебро вместо соли: Элементы раннего меркантилизма во внешнеэкономической политике Русского государства конца XV—начала XVI века. — История СССР, № 2, с. 115—124.

1978

30. Основные принципы выбора личных имен и адаптации иноязычных в России X—XIX вв. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., IX, с. 62—72.

31. Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках. — История СССР, № 6, с. 170—175.

32. «Зумберь» и «Игугморо»: Семантико-этимологические заметки. — В кн.: Основы лингвистического анализа и методики преподавания иностранных языков в высшей школе. ЯГУ, вып. III, с. 4—16.

1979

33. Проблема современной Швеции в творчестве Ларса Густафссона (роман «Шерсть»). — В кн.: VIII Всес. конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск, ч. II, с. 37—38.

1981

34. «Веревка» как мера длины сукпа в Новгороде XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., XII, с. 234—241.

35. Рец. на кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1979 г. М., «Наука», 1980. — История СССР, № 5, с. 204—207.

36. Preise, Maße und Profit im novgorod-hansischen Handel im XIV. und XV. Jahrhundert. — In: Hansische Studien. Weimar, Bd V, S. 51—63.

37, 38. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М., [вып.] I, II.

1982

39. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке М., [вып.] III.

40. О денежных единицах в «Памяти, как торговали доселе новгородцы». — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., XIII, с. 148—155.

1984

41. Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.). В соавторстве с А. А. Севастьяновой. — Новг. истор. сборник. Л., 2 (12).